

Л. А. Пименова

КАК ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ ?

Рецензия на:

Edna Hindie Lemay, Alison Patrick, Joel Felix. Revolutionaries at work. The Constituent Assembly, 1789-1791. Oxford: Voltaire Foundation, 1996. 144 p.;

Timothy Tackett. Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790). Princeton: Princeton University Press, 1996. 355 p.

Приведено по:

Одиссей: Человек в истории. 2000.
М., 2000.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Откуда берутся революционеры? Может быть, это особый психологический тип, который не может реализовать себя в мирное время и выходит на авансцену истории в критические моменты? Или же в основной массе своей это вполне нормальные люди, попавшие в из ряда вон выходящую ситуацию и под влиянием пережитых потрясений ставшие ниспровергателями всего и вся? Над этими вопросами размышляют авторы двух недавно вышедших книг.

Одна из них - «Революционеры за работой: Учредительное собрание, 1789-1791 гг.» - плод труда трех историков (Э.Х.Лемэ, Э.Патрик и Ж.Феликса) основана преимущественно на материалах «Словаря депутатов Учредительного собрания», подготовленного несколько лет назад коллективом авторов под руководством Э.Х.Лемэ¹. Анализ собранного в словаре богатейшего просопографического материала позволил исследователям воссоздать повседневную политическую практику Учредительного собрания и его комитетов, проникнуть в мир представлений депутатов, показать деятельность не только таких знаменитых ораторов, как [О.-Г.Мирабо](#) или [аббат Сийес](#), но и ничем себя не прославивших людей, имена которых остались почти неизвестными. Читатель с интересом узнает множество колоритных подробностей того, как в муках рождались обычные современные парламентские процедуры: как вырабатывались правила выступлений, голосований и подсчета их результатов, как распространялась информация о работе собрания и осуществлялось взаимодействие между центром и провинцией.

«Революционеры за работой» - своего рода коллективный портрет депутатов Конституанты. Книга профессора Калифорнийского университета в Ирвайне Т.Тэкетта «Как они стали революционерами: депутаты Национального собрания Франции и рождение революционной культуры (1789-1790)» по жанру больше напоминает историко-биографический роман со множеством персонажей, характеры которых даны в динамике, в развитии. Перед читателями предстают ожившие депутаты с их взглядами и чувствами, страхами и надеждами.

Как 1315 собравшихся вместе благонамеренных людей стали революционерами и почему они принялись целеустремленно разрушать привычные государственные и общественные институты, создавая взамен нечто принципиально новое? Таков основной вопрос книги Т.Тэкетта. Автор доказывает, что среди политических деятелей Франции конца XVIII в. было мало прирожденных революционеров, и они начали «делать погоду» лишь при стечении определенных обстоятельств. Остальные же не родились революционерами, а стали ими под воздействием личного опыта участия в политической борьбе.

В первой части, названной «Происхождение депутатов», перед нами предстает их коллективная биография. Автор прослеживает судьбы депутатов в годы, предшествовавшие созыву Генеральных штатов, рассматривает их социальное происхождение и положение в обществе, пытается понять их систему ценностей и политическую культуру.

Вторая часть книги «Истоки революционной динамики» посвящена процессу преобразования Генеральных штатов в Национальное собрание, появлению в собрании политических фракций и борьбе между ними за власть. В заключительной, третьей части, озаглавленной «Политическая жизнь и революция», автор анализирует политический процесс в первый год работы Учредительного собрания. Изложение событий заканчивается [праздником Федерации в первую годовщину взятия Бастилии](#). Автор, таким образом, не ставит перед собой задачу рассмотреть весь период работы Учредительного собрания (она продолжалась, как известно, до сентября 1791 г.). Его выбор мотивирован тем, что к лету 1790 г. многие депутаты сочли революцию «законченной» и в дальнейшем посвятили свои силы институциональному оформлению и упрочению ранее достигнутого. В последний год с небольшим работы собрания его депутаты утратили революционное лидерство, перешедшее к парижским секциям, радикальным журналистам, революционным клубам и национальной гвардии Парижа и провинции. Применительно к этому, более позднему периоду интересующий автора вопрос о том, как люди приходят в революцию и что заставляет их поддерживать все более и более радикальный курс, следовало бы изучать уже в основном на материалах, касающихся не Учредительного собрания, а секций, клубов, национальной гвардии и революционной прессы.

При том, что Французской революции посвящено безбрежное море литературы, источниковая база исследования Т.Тэкетта на удивление нова. Помимо официальных речей депутатов в Учредительном собрании, автор широко привлекает их письма, дневники и мемуары. Подобные документы личного характера оставили 129 депутатов, т.е. примерно 10% их общего числа. Лишь малая часть этих текстов была опубликована, в основном они сохранились в рукописях и до настоящего времени оставались неизвестными историкам.

Книга Т.Тэкетта, бесспорно, займет заметное место в ведущейся вот уже лет сорок полемике относительно социальных истоков Французской революции конца XVIII в. В работах историков, близких к марксизму, революция изображается как классовая борьба между дворянством и буржуазией². Историки так называемого «ревизионистского» направления подчеркивают слабые места этой трактовки. В частности, они обратили внимание на то, что экономические интересы не столько противопоставляли аристократию и буржуазию друг другу, сколько объединяли их. Сближала их и общая приверженность идеям и ценностям Просвещения³. «Ревизионистская» историография Французской революции в настоящее время доминирует, но в ней остался открытым вопрос о том, почему весной 1789 г. единая элита Просвещения раскололась и между двумя ее частями, дворянством и третьим сословием, началась открытая вражда и почему в дальнейшем революционные отрасли все больше накалялись, а политика последовательно сменявших друг друга правительств вплоть до 1794 г. становилась все более радикальной. Т.Тэкетт называет этот вопрос «загадкой революции».

Он сохраняет дистанцию по отношению к обоим направлениям. При этом заметно, что острое его полемики направлено главным образом против «ревизионистов», так как марксистская и околomarксистская историография воспринимается им как давно пройденный этап. Воссоздавая коллективный портрет депутатов Конституанты, Т.Тэкетт оспаривает тезис о том, что революцию начала «элита Просвещения», объединявшая представителей привилегированных и непривилегированных сословий в собрании. Чтобы понять поведение депутатов и их реакцию на происходящие события, автор обращается к изучению их политической культуры, образа мыслей и всего жизненного опыта, накопленного в предреволюционные годы. Внимание исследователя сосредоточено на трех аспектах опыта, обретенного его героями - интеллектуальном, политическом и социальном. При этом он полагает, что интеллектуальный опыт депутатов в наименьшей мере повлиял на позицию, занятую ими в начальный период революции.

Многие историки от [А. де Токвиля](#) до Ф.Фюре полагали, что депутаты 1789 г. были новичками в политике и все свои знания о государственных делах черпали из просветительской литературы. Фюре и его сторонники объясняли конфликт между дворянством и так называемой революционной буржуазией в Генеральных штатах сильным влиянием на депутатов третьего сословия радикальных идей Просвещения, особенно [Ж.-Ж.Руссо](#). Накал страстей и нетерпимость противников друг к другу эти авторы напрямую связывали с руссоистской идеей единой общей воли и вытекающего из нее отрицания политического плюрализма. С их точки зрения, образ мыслей и действий французских революционеров был изначально заражен микробом насилия, и самые первые месяцы работы Учредительного собрания представляли собой не что иное, как «прелюдию к террору»⁴.

Т.Тэкетт, напротив, не только отвергает тезис об определяющем влиянии идей Руссо на политическую культуру будущих деятелей революции, но и вообще не согласен с тем, что политической революции предшествовала совершившаяся в век Просвещения революция в сознании. Разумеется, представители всех трех сословий были знакомы с просветительскими идеями и дискурсом. Но при этом, как показывает автор, преобладавшие среди будущих депутатов третьего сословия практикующие профессиональные юристы воспитывались не столько на сочинениях Вольтера и Руссо или на «Энциклопедии», сколько на классической исторической, научной, экономической и в особенности правовой литературе. Лишь 4% депутатов, как установил автор, были членами академий, являвшихся, согласно бытующему среди историков мнению, одним из основных очагов распространения просветительской культуры. Правда, 20% состояли в масонских ложах, общественная роль которых была хотя и иной, но не менее значительной⁵. Тон в Учредительном собрании задавали не философы и литераторы, а судьи и адвокаты. Свойственная большинству депутатов манера выражать свои мысли, их представления о равенстве и справедливости были, по мнению автора, явно юридического происхождения. Аргументируя свои предложения, они взывали не столько к разуму или естественному праву, сколько к прецеденту, обычаю, истории и традиции. Лишь считанные единицы, как полагает Т.Тэкетт, к началу работы Учредительного собрания уже прониклись влиянием политической мысли Просвещения.

Прежде выводы историков об идеологии и умонастроениях депутатов Конституанты основывались на сочинениях и выступлениях отдельных выдающихся личностей, наподобие Сийеса, Мирабо или К.Ф.Вольнея. Широкий круг источников, привлеченных Т. Тэкеттом, свидетельствует, что эти яркие фигуры не были типичными представителями депутатской среды, а напротив, выглядели в ней скорее «белыми воронами». Для большинства же Руссо оставался автором «Исповеди» и «Новой Элоизы», а не «Общественного договора». Коллеги отвергали «абстрактную метафизику», которую они находили в сочинениях Сийеса. «Нет ничего более опасного в политике, чем абстрактная теория, - писал бретонский депутат судья Булле. - По всей вероятности, один только опыт может научить нас, осуществимо данное решение или нет»⁶.

Автор изучает настроения депутатов накануне революции на основе корпуса брошюр и памфлетов, опубликованных представителями этих сословий в конце 1788 - начале 1789 г. Он выявляет сложность и неоднозначность устремлений представителей третьего сословия в этот период. В их словах неразрывно сплелись жажда перемен, сильный антидворянский настрой и страх перед анархией, угроза которой, как они считали, исходила от народа. Депутаты хотели политических реформ и подчас выражали возмущение произволом властей, но при этом были людьми, преданными королю и монархии⁷. В их сознании сохранялся традиционный образ короля-отца и Божьего помазанника. Автор не обнаружил у своих героев признаков «десакрализации монархии», на которой настаивают отдельные историки⁸. Лишь в одном вопросе взгляды депутатов испытали на себе сильное воздействие идей Просвещения: большинство представителей третьего сословия и часть дворян демонстрировали явный антиклерикализм и не раз резко выступали против богатства и могущества церкви. «Действительно, - заключает автор, - на большинство людей 1789 г. стремление Вольтера «раздавить гадину» повлияло сильнее, чем руссоистская идея «общей воли»⁹. Стоит при этом обратить внимание на одну существенную оговорку, сделанную исследователем. Политические взгляды, высказанные депутатами в их дореволюционных сочинениях, далеко не всегда позволяют предугадать, какую позицию займут эти люди в ходе событий 1789 г.¹⁰

Мало кто из депутатов мог хотя бы отчасти предвидеть масштаб грядущих преобразований, творцами которых им самим вскоре довелось стать. Они прибыли в Версаль с ясным и твердым намерением провести реформы, но отнюдь не революционного характера. В подавляющем большинстве своем это были люди весьма умеренных взглядов. Их самые смелые требования сводились к отмене налоговых привилегий, введению конституции и поименного голосования в Генеральных штатах.

Изученные Э.Х.Лемэ письма депутатов из Версаля в провинцию позволяют составить представление об умонастроениях, преобладавших в собрании. В этом калейдоскопе имен и оценок, заключает Лемэ, «вырисовывается портрет умеренного революционера, который верит в то, что можно естественным образом прийти к консенсусу, если руководствоваться программой, основанной на текстах составленных по всей стране тысяч наказов, и сильным желанием сотрудничать, свободным от внешнего давления»¹¹.

Весной 1789 г. депутаты Генеральных штатов еще не были заражены революционной идеологией. Выработка идеологии, полагают американские историки, не предшествовала революционным действиям, а происходила *post factum* и служила цели объяснить и оправдать эти действия. Т.Тэкетт обращает внимание на то, что если в мае-начале июня депутаты в своих выступлениях, письмах и дневниках почти не апеллировали к идеям Просвещения, то летом-осенью 1789 г. такого рода ссылки уже становятся общим местом. Его исследование, таким образом, подтверждает мнение французского историка Р. Шартье, что не революция была порождена Просвещением, а наоборот, Просвещение (в том смысле, какой современные историки вкладывают в это понятие) явилось порождением революции¹².

Авторы обеих книг постоянно подчеркивают, что ход революционных событий не был predetermined, поведение действующих лиц исторической драмы в ситуации кризиса и результаты их поведения выглядели непредсказуемыми. Участники революции в полном смысле этого слова сами творили ее историю, создавая такой дискурс и такие формы политической практики, которые принципиальным образом меняли расстановку сил и дальнейший ход исторического процесса¹³. Их политические взгляды и отношение к революционным начинаниям не были запрограммированы изначально. «Революция в сознании» большинства депутатов произошла после открытия сессии Генеральных штатов, по мере их вовлечения в парламентскую борьбу. «Оставшись наедине со своими благими намерениями, - так записала впоследствии директория департамента Сона-и-Луара, - не имея перед собой ни примера, достойного подражания, ни даже принятой программы действий, они были вынуждены по мере сил импровизировать»¹⁴.

Как показывает исследование Т.Тэкетта, политическая культура депутатов как до революции, так и в ходе нее формировалась под воздействием не столько прочитанных книг и трактатов, сколько из опыта обогащавшегося личного жизненного опыта во взаимодействии с другими участниками политической драмы. Осознание необходимости реформ пришло к ним из наблюдения за окружающей действительностью. Сама королевская власть в немалой мере способствовала политизации будущих депутатов, так как ряд издававшихся правительством законов и предпринимавшиеся накануне революции попытки судебной, налоговой и административной реформы предвосхищали мероприятия Учредительного собрания.

Т.Тэкетт не согласен с тем, что у депутатов отсутствовал политический опыт. Он подчеркивает, что уже до 1789 г. появились на свет характерные формы политической жизни и борьбы революционных лет: противостоящие друг другу «партия аристократов» и «партия патриотов», политические общества и клубы. Многие депутаты до созыва Генеральных штатов успели ощутить вкус политической жизни, будучи членами местных судов или городских муниципалитетов, заседая в созданных незадолго до того провинциальных собраниях. Некоторые из них даже участвовали в политической оппозиции на национальном уровне во время борьбы вокруг реформы Мопу в 1770-е годы, в ходе конфликтов между иезуитами и янсенистами, между королевской властью и парламентами. Эти выводы подтверждаются и подсчетами Э.Х.Лемэ, свидетельствующими о том, что по крайней мере у половины депутатов был опыт политической деятельности. Так, более 200 из них присутствовали на заседаниях провинциальных штатов или собраний, а 30 довелось участвовать в обсуждении государственных дел на собраниях нотаблей в 1787-1788 гг. Среди депутатов были также 50 мэров и два десятка чиновников местной администрации¹⁵.

Т.Тэкетт обращается также к изучению социального опыта депутатов и видит в нем истоки многих возникавших между ними конфликтов. Происхождение, имущественное положение, образование, социальный статус и тип карьеры депутатов дворянства и третьего сословия существенно различались. Из 322 депутатов-дворян большинство составляли богатые аристократы, представители военной знати, для которых идеалы сословной иерархии, чести и ортодоксального католицизма не были пустым звуком¹⁶. 663 депутата третьего сословия в среднем оказались беднее дворян и при этом получили более солидное, преимущественно юридическое образование. Среди них тон задавали 218 магистратов судов разных инстанций, 181 адвокат и другие профессиональные юристы¹⁷. Так что за редкими исключениями депутаты двух сословий принадлежали к двум разным социокультурным мирам. Положение большинства депутатов третьего сословия в общественной иерархии старого порядка автор оценивает как двойственное и противоречивое. Это были вполне благополучные и преуспевающие люди, которые по уровню доходов, жизненному стандарту, типу образования и социальному статусу все же отличались от аристократов из второго сословия. Некоторые из них недавно аноблировались, другие собирались аноблироваться. С одной стороны, жизненный успех этих людей мог служить залогом их конформизма и готовности «играть по правилам».

С другой - близость к аристократии и вместе с тем недостижимость аристократического статуса порождали фрустрацию. Многим из будущих депутатов третьего сословия не терпелось предъявить свой счет снобам-дворянам. Одни не могли простить высокомерного отношения к себе со стороны знакомых аристократов. Другие претендовали на престижные государственные должности, но не могли их получить, так как не были потомственными дворянами. Долго копившееся недовольство привело к взрыву антидворянских настроений и к протестам против сословных привилегий в 1787-1788 гг. Досаду и раздражение этих людей отчетливо выразил депутат Ш.Ф.Лебрен, записавший в начале 1789 г. в своем дневнике: «Я более не принадлежу к третьему сословию (Лебрену удалось аноблироваться двадцать лет назад. - Л.П.), но я так и не принят во дворянство»¹⁸.

Заседания Учредительного собрания стали для них настоящей «школой революции». Постепенно они выработали определенную модель поведения, на которую впоследствии будут ориентироваться те, кто считает себя революционерами. Депутаты - а ведь многие из них принадлежали к числу лучших умов Франции своего времени - слушали друг друга, спорили, сопоставляли разные точки зрения, усваивали новые идеи. Первые недели июня 1789 г., по мысли Т.Тэкетта, стали «поистине революционным моментом», когда произошел перелом в сознании большинства депутатов третьего сословия. Отныне они в общем были готовы к разрыву с прошлым, хотя еще и смутно представляли себе, как далеко и в каком направлении им следует идти в своих реформаторских начинаниях. Перелом произошел в результате совпадения множества различных факторов.

Немалую роль в этой ситуации сыграла явная неспособность монарха к лидерству. В начале мая депутаты третьего сословия еще были готовы во всем подчиниться королю и следовать предложенной им программе действий, но он ничего не предлагал и фактически самоустранился от руководства работой Генеральных штатов. Предоставленные сами себе депутаты решили, что монарх полностью им доверяет и разрешает поступать так, как они сочтут, нужным¹⁹. Сам того не желая, своим бездействием Людовик XVI способствовал росту активности депутатов третьего сословия и осознанию ими собственной значимости. Эти настроения усиливались, так как на улицах и на галереях зала заседаний депутатов все время окружали толпы народа, и они пребывали в центре всеобщего внимания. Благодаря поддержке многочисленных зрителей прежде отвлеченное понятие «общественное мнение» обрело новый, вполне конкретный смысл. Из дня в день депутаты видели вокруг себя это общество и слышали его мнение.

Перед депутатами вставали все новые и новые непредвиденные проблемы. Так, им пришлось обсуждать взаимоотношения короля и законодательной власти, церкви и государства, спорить о праве Учредительного собрания контролировать армию и внешнюю политику. В ходе этих дискуссий определялись, уточнялись и изменялись взгляды депутатов. Заметное влияние на принятые ими решения оказывали и «внешние» события, происходившие за пределами собрания. Среди них Т.Тэкетт выделяет «великий страх» лета 1789 г. и наступивший в это же время полный развал центральной и местной королевской администрации. В результате депутатам пришлось вмешаться в дела исполнительной власти, о которых прежде они и не помышляли. Неотвратимо надвигающееся банкротство государства вынудило их вплотную заняться вопросом секуляризации церковных земель и признать ее необходимой, хотя многие из них весной 1789 г. еще не допускали такого решения. Под влиянием возникшей весной 1790 г. угрозы войны депутаты увидели происходящие в стране события в широком международном контексте и задумались об их значении для позиций Франции в Европе и ее внешней политики.

Расстановка сил в собрании зависела и от многочисленных случайностей, таких, например, как звучность голоса того или иного депутата. Авторы обеих книг подчеркивают значение риторики и возможности наиболее авторитетных депутатов повести за собой остальных. Убедить в своей правоте имел шанс лишь тот, кого было слышно. Довольно быстро из общей массы депутатов выделились лучшие ораторы. Таких набралось около одной трети от общего числа. В первую очередь это были люди, имевшие опыт выступлений на публике: адвокаты, депутаты провинциальных штатов, священники, масоны и просто прирожденные трибуны. Остальные выступали крайне мало или не выступали вообще. Как видно из депутатских писем, дневников и мемуаров, такое отсутствие видимой активности не было проявлением безразличия. Многим депутатам, горячо заинтересованным в работе Учредительного собрания, не хватало смелости или ораторских данных. Мирабо обеспечил себе невероятную популярность не только силой своих аргументов, но и мощью голосовых связок. Иного депутата, чьи предложения, возможно, были более обоснованными и в большей мере отвечали преобладавшим в собрании

настроениям, попросту не было слышно. Последнее обстоятельство имело немалое значение в то время, когда микрофоны отсутствовали, а помещения, в которых заседали депутаты (зал Малых забав в Версале, позднее зал манежа в парижском дворце Тюильри), по своим акустическим данным не были приспособлены для публичных дебатов²⁰.

Значительное влияние на ход событий и позицию третьего сословия оказала откровенная враждебность переменам со стороны большинства депутатов дворянства. Сам процесс работы собрания в мае-июне 1789 г. способствовал выявлению и усилению социально-политических антагонизмов между депутатами духовенства, дворянства и третьего сословия: многие из них, работая в собрании, начали осознавать эти антагонизмы гораздо яснее, чем прежде. Дворяне, за исключением либерального меньшинства, отвергли компромисс и встали на защиту своих привилегий²¹. В ответ даже те депутаты третьего сословия, которые ранее не выражали антидворянских настроений, теперь были возмущены откровенной неуступчивостью и высокомерием противников. Не идеи Просвещения, а непреклонность большинства дворянских депутатов делала аргументы наиболее радикально настроенных представителей третьего сословия убедительными в глазах остальных. Жесткая позиция, занятая привилегированными, привела к тому, что после нескольких недель неопределенности и колебаний депутаты третьего сословия решились добиваться своего в одиночку и провозгласили себя Национальным собранием.

Впрочем, после ликвидации сословной структуры Генеральных штатов и преобразования их в Национальное собрание сословные различия между депутатами отступили на второй план. Что же пришло им на смену? Нашему современнику кажется само собой разумеющимся, что в любом парламенте существуют партийные фракции, есть правые и левые. Однако в конце XVIII в. это еще не выглядело очевидным. Более того, преобладало мнение, что в собрании не должно быть никаких группировок, так как все депутаты представляют единую и неделимую французскую нацию.

Разумеется, 1315 человек не могли делать все сообща. Поначалу депутаты стали объединяться в группы наиболее естественным для них образом: по провинциальным делегациям. Часто представители одной провинции и раньше знали друг друга. Их объединяли семейные и дружеские узы, а также общее желание защитить особые местные интересы²². Депутаты Анжу, Дофине, Лангедока, Франш-Конте и других провинций собирались на совместные обеды, как правило, в доме у лидера местного дворянства. Но связи «по месту жительства» оказались непрочными и стали быстро распадаться.

Надежда работать всем сообща и быть свободными от групповых интересов не оправдалась. Уже в самом начале заседаний Генеральных штатов и Учредительного собрания единство третьего сословия было не более чем иллюзией, не говоря уже об очевидном противостоянии привилегированных и непривилегированных. Когда же депутаты принялись вплотную разрабатывать текст «Декларации прав человека и гражданина», основы будущей конституции и порядок выполнения принятого 4 августа 1789 г. закона об отмене феодального порядка, между ними обнаружилось глубокое расхождение во взглядах. Анализируя динамику событий, Т.Тэкетт присоединяется к мнению французского историка Д.Морне, что «одно дело - предпосылки Французской революции, и совсем другое - ее история»²³. Для большинства депутатов Учредительного собрания переходный период, когда кончались предпосылки революции и начиналась ее история, приходился на **конец июня** - начало **августа 1789 г.** В этот месяц с небольшим депутаты начали объединяться на основе общих политических идей. Раскололась прежде единая делегация провинции Дофине, и ее члены оказались во враждующих политических группировках. Депутат Арраса М.Робеспьер вскоре оставил своих земляков и примкнул к тем, кто разделял его принципы. С лета 1789 г. фракции стали постоянным явлением политической жизни. С одной стороны, их прообразы можно обнаружить уже в период предреволюционного кризиса в деятельности «партии аристократов» и «партии патриотов», а позднее в конфликтах между дворянством и третьим сословием в Генеральных штатах. С другой стороны, образование фракций свидетельствовало о существенной перегруппировке сил внутри собрания: о переходе от объединений депутатов по провинциям к объединениям на основе политических принципов.

Консервативные дворяне и епископы сумели политически оформиться раньше и лучше, чем сторонники преобразований. Усиление позиций консерваторов произошло благодаря тому, что к ним примкнула значительная часть приходского духовенства, поначалу поддерживавшего «патриотов». Священников оттолкнул антиклерикальный на строй депутатов третьего сословия и зазвучавшие из их уст требования национализировать церковные земли²⁴.

В августе-октябре консерваторы представляли собой самую организованную и влиятельную фракцию в собрании. Уже в ходе обсуждения «Декларации прав человека и гражданина» они сознательно стали садиться вместе, справа от председателя Национального собрания²⁵. Объединения революционно настроенных депутатов - фракция Пале-Рояля и Бретонский клуб - в то время оставались весьма аморфными. Их сторонники собирались в кафе, устраивая публичные дебаты, но какая-либо групповая дисциплина у них отсутствовала. Позднее, в конце ноября - начале декабря, левые последовали примеру консерваторов и образовали свое хорошо организованное политическое объединение, названное Обществом друзей конституции, а впоследствии Якобинским клубом.

С образованием фракций изменился характер политической борьбы в собрании. Начиная с 1790 г. отдельные яркие личности (даже масштаба Мирабо) уже не могли вести за собой собрание, вся внутренняя жизнь которого отныне определялась противостоянием и взаимодействием между фракциями: сначала между монархистами и патриотами, а потом между капуцинами и якобинцами. Они обладали набором черт, свойственных современным политическим партиям: у них был руководящий комитет и связи с единомышленниками в провинции, их объединяли дисциплина и общая политическая платформа. Появление таких фракций и их противоборство стало новым фактором, оказывавшим сильное влияние на образ мыслей и поведение участников революции. Как писал в ноябре 1789 г. депутат Мопети, «повсюду вкрался партийный дух»²⁶.

Соперничество группировок усиливалось тем, что между ними прослеживались очевидные социальные различия. У консерваторов преобладали привилегированные: аристократы, епископы, священники. Радикально настроенные якобинцы, напротив, состояли главным образом из юристов и низшего офицерства, людей небогатых, но с «длинными штанами» в Эрзулижской пруссии. В этом смысле, как показывает Т.Тэкетт, социокультурные различия между депутатами оказывали влияние на выработку политического курса²⁷.

Решая финансовые проблемы, занимаясь церковной реформой, реорганизуя государственный аппарат и судебную систему, депутаты принимали такие законы, которые они безусловно отвергли бы еще несколько месяцев тому назад. При этом, как подчеркивает Т.Тэкетт, принятые ими решения были продиктованы отнюдь не идеологией. Он решительно не согласен с теми историками-«ревизионистами», кто изображает депутатов людьми, воодушевленными абстрактными и далекими от реальной жизни принципами. Напротив, настаивает автор, они показали себя прагматиками в самом хорошем смысле этого слова и многие из них за короткое время сумели стать профессиональными законодателями и политиками, способными к компромиссу. Созданную ими политическую систему, т.е. систему, основанную на конституции 1791 г., автор считает вполне жизнеспособной. Причину же ее быстрого краха он усматривает в том, что значительная часть аристократической элиты и сам король отвергли идею конституционной монархии²⁸. С этим мнением согласны и авторы книги «Революционеры за работой». Если бы, как полагают они, либеральное дворянство в Учредительном собрании было более влиятельным, старый порядок мог бы и не погибнуть при столь трагических обстоятельствах, а переход к конституционной монархии и гражданскому равноправию мог совершиться плавно и без глубоких потрясений²⁹.

По мнению Э.Х.Лемэ, при том что полемика между «аристократами» и «патриотами» подчас достигала крайней остроты, в целом тон ее был поначалу, как правило, довольно умеренным и корректным; реформаторам часто удавалось найти общий язык и конструктивно сотрудничать с консервативной оппозицией. Так продолжалось вплоть до неудавшейся попытки бегства короля в июне 1791 г. Именно с тех пор в отношениях между противоборствующими группировками возобладала откровенная вражда и нетерпимость. Депутаты стали обвинять друг друга в коррупции, анархии и нарушениях конституции. Рабо Сент-Этьен не раз заявлял, что во Франции сложилась двухпартийная система: в стране есть «хорошая» и «плохая» партии. Бегство короля имело и еще одно важное политическое последствие: депутаты пришли к выводу, что могут управлять страной без короля, и, как следствие, в собрании началось открытое обсуждение вопроса о республиканской форме правления. Большинство депутатов теперь пытались защитить монархию, хотя сами же, как отмечает Э.Х.Лемэ, разрушали ее на протяжении двух предыдущих лет. В сентябре 1791 г. депутаты Конституанты приняли конституцию и «выполнили свою задачу, но, как показало будущее, всякое подобие политического единства было фактически удалено со сцены»³⁰.

Итак, при том, что Французская революция XVIII в. уже изучена, казалось бы, не по дням, а по часам, появление двух книг американских и французских историков - событие примечательное. В них просматривается ряд общих черт, характерных для современного состояния историографии Французской революции. Обращает на себя внимание интерес авторов к политической истории, а также к биографическому жанру, в данном случае к жанру коллективной биографии. В частности, мы узнаем много нового о позиции консервативных депутатов и их роли в развитии революционного процесса. Обе книги, в особенности монография Т.Тэкетта, дают нам яркий пример «возвращения автора» на авансцену истории.

Примечания

¹ Lemay E.H. Dictionnaire des Constituents. 2 kol. Oxford, 1991.

² См., например: Lefebvre C. La Revolution francaise. P., 1968; Soboul A. Histoire de la Revolution francaise. 2 vol. P., 1962; Vovelle M. La chute de la monarchie. P., 1972; Idem. L'historiographie de la Revolution francaise a la veille du bicentenaire// Annales Historiques de la Revolution francaise. 1988. № 287.

³ См., например: Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1968; Furet F. Penser la Revolution francaise. P., 1978; Doyle W. Origins of the French Revolution. Oxford, 1980.

⁴ Furet F. Penser la Revolution francaise. Hampson N. Prejudice to Terror: The Constituent Assembly and the Failure of Consensus. Oxford, 1988; Baker KM. Inventing the French Revolution. Cambridge, 1990.

⁵ Tackett T. Becoming a Revolutionary. P. 50-54.

⁶ Ibid. P. 305.

⁷ Ibid. P. 54-65.

⁸ Merrick J. The Desacralization of the French Monarchy in the Eighteenth Century. Baton Rouge, 1990.

⁹ Tackett T. Op. cit. P. 304.

¹⁰ Ibid. P. 75-76.

¹¹ Revolutionaries at work. P. 33.

¹² Charrier R. Les origines culturelles de la Revolution francaise. P., 1990.

¹³ Revolutionaries at work. P. 1; Tackett T. Op. cit. P. 119-121.

¹⁴ Revolutionaries at work. P. 1.

¹⁵ Ibid. P. 119.

¹⁶ Tackett T. Op. cit. P. 28-35, 72-74.

¹⁷ Ibid. P. 35-44.

¹⁸ Ibid. P. 47.

¹⁹ Ibid. P. 122.

²⁰ Revolutionaries at work. P. 5-7.

²¹ Одна из глав книги «Революционеры за работой» дает нам общее представление о дебатах среди депутатов дворянства в первые месяцы работы Генеральных штатов и Учредительного собрания. Прежде историки преимущественно уделяли внимание деятельности либерально настроенного меньшинства. Гораздо меньше было известно о тех, кто стремился сохранить старый порядок и противился реформам. Между тем именно они численно преобладали среди депутатов дворянства. Изучая поведение таких депутатов, автор этой главы Ж. Феликс обращается к протоколам заседаний дворянского сословия в мае-июне 1789 г. и показывает, как постепенно, от голосования к голосованию либералы набирали очки и склоняли колеблющихся на свою сторону, убеждая их в необходимости компромисса. Их основным аргументом была угроза того, что окончательный разрыв с третьим сословием приведет к роспуску Генеральных штатов, банкротству государства и в конечном счете к гражданской войне. Некоторые депутаты в такой обстановке оказались совершенно дезориентированными, меняли свою точку зрения по нескольку раз и обращались к избирателям за инструкциями, как им следует вести себя дальше. Впоследствии самые непреклонные защитники старого порядка из их числа эмигрировали в самом начале революции, летом 1789 г. Оставшиеся же не могли, даже если хотели, сохранить привилегии дворянства в силу своей идейной и политической разобщенности. Некоторым лидерам дворянского сословия отмена привилегий и титулов в то время казалась пустой формальностью, не способной серьезно повредить их общественному положению. (Ibid. P. 47-53).

²² Tackett T. Op. cit. P. 123-127.

²³ Mornet D. Les origines intellectuelles de la Revolution francaise. P., 1933. P. 471.

²⁴ Tackett T. Op. cit. P. 180-181.

²⁵ Ibid. P. 184-185.

²⁶ Revolutionaries at work. P. 113.

²⁷ Tackett T. Op. cit. P. 176-207, 310-311.

²⁸ Ibid. P. 312-313.

²⁹ Revolutionaries at work. P. 1.

³⁰ Ibid. P. 116-118.